

Шэнь Сюань еще долго не мог прийти в себя. Наконец он испуганно и гневно выкрикнул:

— Да как ты смеешь мне угрожать?!

Гунсунь Сы смерил его ледяным взглядом:

— Угроза это или нет, проверишь на собственной шкуре.

Шэнь Сюань едва не лопался от злости. Как-никак, он считался грозой всей столицы, на улицах перед ним все лебезили и заискивали!

Кто бы мог подумать, что в собственном доме ему придется терпеть издевательства какого-то слуги!

Чем больше Шэнь Сюань размышлял об этом, тем сильнее в нем закипала обида, особенно когда он вспоминал последние слова Гунсунь Сы...

«Если в мое отсутствие ты посмеешь тронуть Чжао Фана, я тебя кастрирую!»

Ха!

Он, второй молодой господин Шэнь, что, по-ихнему, пугливый ребенок?

С самого детства Шэнь Сюань отличался строптивым нравом: чем больше ему что-то запрещали, тем упрямее он это делал.

Впрочем, дважды получив нагоняй, второй молодой господин поумнел и решил действовать хитростью.

Чжао Фан ведь падок на деньги?

Что может быть проще?

У него, Шэнь Сюаня, денег куры не клюют.

Гунсунь Сы завтра должен был отправиться вслед за Шэнь Цзянем в военный лагерь, поэтому вечером он вернулся в покои старой госпожи.

Сначала он пришел засвидетельствовать свое почтение старой госпоже и поблагодарить ее за приют.

Старая госпожа не стала вести с ним долгих разговоров, лишь дала несколько напутствий и велела идти отдыхать.

Чжао Фан, зная, что Гунсунь Сы уезжает завтра на рассвете, в этот вечер не стал рассказывать ему сказки, а вместо этого принялся учить уму-разуму.

— Не замышляй зла против других, но и сам ухо держи востро.

— Поменьше болтай, чтобы не давать повода для сплетен.

— Учись всему прилежно, но не лезь на рожон ради хвастовства.

— Будь скромнее, так безопаснее.

— Излишне выставлять себя напоказ – дело плохое.

— ...

Чжао Фан без умолку наставлял его весь вечер – он просто никак не мог успокоиться за судьбу главного героя.

Пусть поначалу он и приютил его из корыстных побуждений, но за время совместной жизни парень ему искренне полюбился, и Чжао Фан желал ему только добра.

— Раз ты так хочешь дослушать «Троецарствие», а я не смогу рассказывать тебе каждый день...

— Я придумал отличный выход.

— Когда ты уедешь, я буду записывать продолжение истории на бумаге, а ты в лагере найдешь грамотного товарища, чтобы он тебе читал.

— Заодно и с сослуживцами подружишься – двойная польза.

Чжао Фан старался предусмотреть каждую мелочь.

— Если тебя кто-то обидит, сразу иди к наследнику титула. Он человек справедливый, обязательно заступится.

Гунсунь Сы смотрел на без умолку болтающего Чжао Фана, и перед его глазами невольно встал образ покойной кормилицы, которая точно так же любила поворчать.

Как же они похожи.

Гунсунь Сы и сам не понимал, откуда взялось это сравнение.

Наверное, дело было в их взглядах – таких теплых, полных искренней заботы.

Однако, глядя на Чжао Фана, Гунсунь Сы вовсе не испытывал к нему сыновних чувств.

Его взгляд невольно скользнул к розовым, то топорщащимся, то сжимающимся губам рассказчика, и в памяти всплыла та ночь, когда Чжао Фан сильно перебрал с вином.

Сладкий, нежный «рисовый пирог».

Какой же у него был упоительный вкус.

Гунсунь Сы непреодолимо захотелось отведать его снова.

Внизу живота словно вспыхнула крошечная искра.

Она бесшумно разгоралась, поднимаясь к самому горлу.

Гунсунь Сы молча налил себе чашу воды и выпил залпом. Этот молчаливый юноша сейчас выглядел куда более измученным жаждой, чем болтун напротив.

Жар в груди ненадолго утих.

Но вскоре вспыхнул с новой силой.

Гунсунь Сы не понимал, что с ним происходит, и лишь продолжал пить воду чашу за чашей.

Чжао Фан наконец выдохся. Он понятия не имел, сколько из его речей усвоил главный герой – в конце концов, его ученики в школе всегда пропускали половину наставлений мимо ушей.

— Ты меня вообще слушал?

— Угу.

— И все понял?

— Угу.

Чжао Фан прищурился:

— Правда?

Ему показалось, что тот просто отмахивается от него:

— Ну-ка повтори, в чем суть моих слов?

Гунсунь Сы без труда вычленил главное из всей лавины пустой болтовни Чжао Фана:

— Меньше говори, больше учись.

Чжао Фан удовлетворенно кивнул:

— Верно. И еще одно запомни: сами никого не обижаем, но и себя в обиду не даем.

— Угу.

Чжао Фан ласково взъерошил ему волосы:

— Умница.

— Постарайся там, ты у меня самый лучший.

Гунсунь Сы мягко улыбнулся. Безусловно, он станет лучшим.

Он станет сильнее.

Настолько сильным, что, даже если однажды раскроется его тайна свергнутого принца, никто не посмеет пикнуть в его присутствии!

Настолько сильным, что, какими бы уловками ни обладал Чжао Фан, ему вовек не вырваться из его рук!

Чжао Фан сладко зевнул и напоследок добавил:

— И не забывай слушаться наследника титула.

Гунсунь Сы за всю свою жизнь толком никого не слушался – даже царственных отца и мать.

Лишь в годы скитаний он беспрекословно повиновался кормилице.

А теперь...

Чжао Фан уже крепко спал, уткнувшись в подушку. Гунсунь Сы же никак не мог уснуть. Он придвинул свою подушку поближе к Чжао Фану, пока их головы не соприкоснулись.

Теперь он был не прочь послушать и Чжао Фана.

На следующее утро, когда Чжао Фан проснулся, рядом уже никого не было. На столе сиротливо белела записка, на которой кривыми, неровными каракулями были выведены пять иероглифов:

«Береги себя».

Чжао Фан почувствовал глубокое удовлетворение: его воспитанник наконец-то вырос.

Это было то самое щемящее чувство, когда учитель получает открытку с цветами от любимого ученика в профессиональный праздник – сплошная, чистая любовь.

Весь день Чжао Фан пребывал в прекрасном расположении духа.

Снегопады продолжались еще больше месяца, и незаметно подобрался Новый год.

Чжао Фан трудился не покладая рук и наконец переписал добрую половину «Троецарствия». К его удивлению, старой госпоже тоже пришлось по душе эта масштабная сага о героях и завоеваниях.

Так и повелось: днем Чжао Фан рассказывал «Сон в красном тереме», а вечерами прилежно скрипел пером над «Троецарствием».

И незаметно в числе его постоянных слушателей объявился второй молодой господин.

После памятной стычки Чжао Фан демонстративно игнорировал его.

Однако тот исправно, как по часам, являлся на каждое чтение, усаживался на низкую скамеечку, подпирал щеку рукой и завороченно слушал.

По окончании рассказа он перекидывался парой вежливых слов со старой госпожой и чинно удалялся, ни разу не попытавшись заговорить с Чжао Фаном.

Поначалу Чжао Фан ждал от него какого-нибудь подвоха, но, видя, что второй молодой господин ведет себя тише травы, постепенно расслабился.

Так продолжалось до тех пор, пока второй молодой господин не пригласил в усадьбу знаменитую театральную труппу для представления.

Старая госпожа обожала оперу, и в резиденции маркиза началось небывалое веселье.

Даже четвертая молодая госпожа, которая давно не показывалась на людях, соизволила выйти к гостям.

Помня былые обиды, Чжао Фан опасался, что эта вздорная девица снова начнет строить ему козни, однако она лишь приветливо улыбнулась ему.

Чжао Фан не на шутку перепугался.

Волосы у него на затылке еще долго стояли дыбом.

Четвертая молодая госпожа вдруг превратилась в кроткую, благовоспитанную барышню?

Что за метаморфозы произошли с ней за эти два месяца?

Старая госпожа была в восторге от таких перемен. Она ласково держала внучку за руку, не переставая хвалить ее изящные манеры.

Четвертая молодая госпожа лишь застенчиво краснела, напоминая нежный бутон.

Чжао Фан, наблюдая за этой сценой со стороны, чувствовал, как у него мурашки бегут по коже.

Неужели в тело четвертой молодой госпожи тоже вселился какой-то попаданец?

Совершенно другой человек!

На сцене вовсю распевали актеры, старая госпожа и гости увлеченно следили за представлением, то и дело взрываясь аплодисментами – даже трескучий мороз не мог охладить их пыл.

У Чжао Фана от холода уже сводило суставы. Ну что они нашли в этом зрелище?

Донельзя банальный, скучный сюжет.

«Вот если бы перенести на сцену „Сон в красном тереме“...», – в голове Чжао Фана вдруг вспыхнула гениальная мысль.

Великолепно!

Как он раньше об этом не подумал?

Правда, радовался он недолго: без денег, связей и влияния реализовать подобную затею было попросту нереально.

К счастью, Чжао Фан умел быстро отпускать несбыточные мечты и не привык биться головой о стену.

Каково же было его удивление, когда к нему подошел сам хозяин театральной труппы:

— Господин Чжао, до меня дошли слухи, что у вас есть потрясающая пьеса?

Чжао Фан опешил:

— От кого вы это слышали?

<http://bllate.org/book/18123/1739338>